

В. В. СЕМАКОВ

О стилистической маркированности аориста и имперфекта в языке Жития протопопа Аввакума

Одним из основных итогов многочисленных работ по изучению языка Жития протопопа Аввакума явился вывод о народно-разговорной основе языка этого памятника с вкраплениями церковнославянских элементов. Так, еще в 1923 г. В. В. Виноградов писал о Житии: «I. Основу его составляет „вьяканье“, сказ, т. е. разговорно-речевая стихия с яркой, эмоциональной окраской и обусловленным ею частым перебоем интонаций. II. В частях повествования она органически сплетается с элементами церковно-книжного, главным образом библейского стиля. III. В замыкающих сказ поучениях этот торжественно-риторический слой стиля обнаруживается в наиболее чистом виде».¹ Контаминация двух языковых систем (церковнославянской и народно-разговорной) является одной из характерологических особенностей языка Жития. Показательна в этом отношении система глагольных форм прошедшего времени, так как именно здесь формальные различия между церковнославянским и народно-разговорным языком проявляются в наибольшей степени.

В исследованиях, посвященных анализу глагольной системы Жития Аввакума, факты употребления архаичных временных форм глагола (аориста и имперфекта) при абсолютном преобладании перфектных форм на -л интерпретируются двояко. Во-первых, указывается на традиционность функционирования таких форм в контекстах с ярко выраженной сакральной ориентацией, а также в описаниях событий большой важности;² во-вторых, делается предположение о том, что Аввакум вначале имел намерение написать свое повествование на церковнославянском языке, но не сумел выполнить свой первоначальный замысел, поэтому архаичные временные формы встречаются чаще на первых страницах Жития; в дальнейшем, когда Аввакум переходил к описанию современных ему событий или случаев из своей жизни, в его языке начинают преобладать русские формы.³ В обоих случаях роль ситуации, т. е. контекстуальная обусловленность употребления архаичных элементов в Житии, является решающей в анализе интересующих нас явлений. Однако контекстуальный этикет далеко не полностью квалифицирует глагольную архаику Жития (в морфолого-синтаксическом аспекте). В тексте памятника отмечены многочисленные случаи употребления аориста и имперфекта в бытовых фрагментах, например:

¹ Виноградов В. В. О задачах стилистики: Наблюдения над стилем «Жития» протопопа Аввакума. — В кн.: Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980, с. 11.

² См.: Прокопович Е. Н. Об употреблении прошедших времен глагола в русской письменности второй половины XVII века. — В кн.: Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, с. 293—297.

³ См.: Чернов В. А. Система глагольных форм в «Житии» Аввакума — В кн.: Лингвистический сборник. Свердловск, 1963, вып. 1, с. 45—70.

«И я, покиня вечерню со Антономъ, посадя ево на полу, и за мятеж церковной постегалъ ременемъ нарочито-таки; а прочии, человекъ з дватцеть, вси *побегоша*, гоними духомъ» (л. 28 об.).⁴

«Егда же *привезоша* мя на двор, выбежала жена ево Неонила, ухватила меня под руку, а сама говоритъ: „Поди-тко, государь наш батюшко, поди-тко, свет наш кормилецъ“» (л. 19 об.).

Стилистическая ориентация автора в данном случае направлена на совмещение разнородных языковых единиц в рамках одного контекста. Как считает В. В. Колесов, принцип организации художественной речи в Житии Аввакума отличается от древнерусской традиции с ее безразличием к стилистической цельности текста, но с чрезвычайным вниманием к каждому отдельному фрагменту. Житие — «это явная попытка создать новый литературный язык с присущим жанру стилем».⁵

В нашей статье при анализе глагольной архаики временных форм в Житии Аввакума мы попытаемся применить принцип индивидуального языкового восприятия автора, так как «этот памятник — не только одно из проявлений коллективного языкового творчества, но и отражение индивидуального отбора и творческого преобразования языковых средств своего времени в целях эстетически действенного выражения замкнутого круга представлений».⁶

Анализируя систему прошедших времен в языковой структуре Жития протопопа Аввакума (редакция В),⁷ обнаруживаем следующее:

1) в тексте произведения отмечено 179 примеров употребления глаголов в форме аориста и 17 — в форме имперфекта; от общего количества форм прошедшего времени (1775) это составляет около 11 %;

2) наблюдаются случаи неверного употребления автором архаичных глагольных форм в отношении лица, например:

«... а я осиротель молод и от своих соплеменник во изгнании *быхомъ*» (л. 13 об.);

«А я сам во дни *отлучашеся* дому своего, токмо в нощи действовал над ним» (л. 90 об.);

«И падох на землю на лица своем, *рыдаше* горце, и забыхся лежа» (л. 15), и т. д.;

3) кроме грамматических ошибок в употреблении аориста и имперфекта Аввакум допускает и ошибки семантические; автор порой не ощущает семантической разницы между различными прошедшими временами, так как формы аориста и имперфекта часто употребляются в одном темпоральном контексте с формами перфекта на -л, например:

«... старец же, ища себе смерти, поперегъ костей *велель отсеци*, и *отсекоша* четыре перьста» (л. 81);

«Затрещалъ лед, яко громъ, предо мною, на высоту *стало кидать*, и, яко река, *разступилъся* сюду и сюду, и паки *снидеся* вместо, и *бысть* гора льду велика» (л. 58 об.);

«Аз же, окаянный, *поплакал*, глядя на него, и *возрадовахся* о величии бога моего. . .» (л. 93).

Таким образом, можно констатировать морфолого-семантическое различие временных форм прошедшего времени. Каковы же в таком случае принципы употребления глагольной архаики?

Рассмотрим связь «субъект — действие» в стилистическом аспекте. Важной особенностью рассматриваемой языковой системы является то,

⁴ Ссылки на листы рукописи даются по изданию: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

⁵ Колесов В. В. Лексическое варьирование в литературном языке XVII века. — В кн.: Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков. М., 1974, с. 137.

⁶ Виноградов В. В. О задачах стилистики. . ., с. 3.

⁷ При анализе мы будем опираться на так называемую редакцию В как последнюю и самую пространную из всех редакций Жития.

что среди глаголов в форме аориста и имперфекта, квалифицирующих действия персонажей Жития, большую часть составляет группа глаголов при субъекте «аз» (Аввакум) и «люди божие» (соратники протопопа).⁸ Мы имеем в виду субъекты действия, не только выраженные синтаксически (в двусоставном предложении), но и выраженные только морфологически глагольной формой (в односоставных конструкциях). При субъекте действия «Аввакум» количество архаичных глагольных форм составляет 35, при субъекте «люди божие» — 21, при «никониана» — 13, при «бесы» — 17.

Каковы причины такой дифференциации глагольных форм?

Житие Аввакума — яркий пример совмещения идеологических, художественных и языковых принципов автора. Основная идея произведения — обличение «злокозненной никонианы», а также обращение к житийному жанру оказали влияние на главный художественный принцип произведения. По мнению Н. С. Демковой, сюжет Жития основан почти полностью на принципе контраста. Этот принцип является не только композиционным приемом, но и отражает мировосприятие Аввакума.⁹ В. В. Виноградов называл эту черту Жития контрастным параллелизмом: «... все „Житие“ Аввакума построено на принципе противопоставления „диавола“ и „Бога“, детей сатаны и детей Аввакума, словесные обозначения того и другого ряда действий, организованные в синтаксические группы, располагаются по схеме параллельно идущих линий с семантическим контрастом или всех своих частей или концовок».¹⁰

На языковом уровне принцип контраста находит свое выражение в синтаксических конструкциях противопоставления как на уровне предложений, например: «У вдовы начальник отнял дочь. И аз молих его, да же сиротину возвратит к матери. И онъ, презревъ моление наше, воздвиг на меня бурю, и у церкви, пришед сонмом, до смерти меня задавили. И аз лежал в забыти пол часа и больши, паки оживе божим мановением. Он же утрашася отступился мне девицы» (л. 16—16 об.), так и внутри предложения: «Онъ меня лаеть, а я ему говорю: „Благодать во устнехъ твоих, Иванъ Родионович, да будет“» (л. 17).

На наш взгляд, этот принцип охватывает и другие уровни языковой структуры Жития. Рассмотрим принцип контраста на морфологическом уровне. Для выявления его функционирования необходимо привлечь сопоставимые между собой, но отличные по определенным параметрам элементы. В нашем случае они есть — это формы глаголов прошедшего времени (перфект — аорист — имперфект). Как мы уже отмечали, формы аориста и имперфекта в предложениях с субъектом действия «Аввакум», «люди божие» употребляются намного чаще, чем с субъектом «Никон», «никониана». В произведении существует определенная закономерность в изображении действий субъектов, противопоставленных по принципу «Я» — «Не-Я», морфологически по-разному оформленными глаголами. Основными дистрибутивными признаками таких морфологических пар были, на наш взгляд, не темпоральные или морфолого-синтаксические особенности временных форм, а их стилистическая маркированность. Глагольные формы аориста и имперфекта являлись в XVII в. языковыми средствами церковнославянского языка, поэтому качественно-стилистически они были определены однозначно: это были средства «высокого» стиля. Полемически противопоставляя себя и своих соратников «нико-

⁸ На подобную закономерность для «Повести о страдавших в России за древле-церковная благочестная предания» Аввакума впервые обратила внимание С. Матхаузерова, см.: Матхаузерова С. 1) Функция времени в древнерусских жанрах. — ТОДРЛ, Л., 1972, т. 27, с. 228—229; 2) Древнерусские теории искусства слова. — Acta Universitatis Carolinae Philologica: Monographia, LXIII, 1976, с. 123—130.

⁹ См.: Демкова Н. С. Изучение художественной структуры «Жития» Аввакума: Принцип контрастности изображения. — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 100—108.

¹⁰ Виноградов В. В. О задачах стилистики... с. 35.

ниансе», Аввакум сознательно выделяет стилистически маркированные глагольные формы (аорист и имперфект), создавая житийную перспективу деяний «людей божиих» (в стилистическом аспекте).

С этой точки зрения характерен анализ языка литературных цитат в тексте Жития.

Реальные факты своей жизни Аввакум постоянно проецирует на событийную ось Священного писания, поэтому «в церковно-книжной символике Аввакума многочисленны традиционные символы-предложения: буквальное перенесение изречений из Священного писания и из церковных книг, обычно без указания источника и с приурочением содержания их к описываемым событиям».¹¹ Литературные цитаты вкладываются в уста говорящего, реального персонажа Жития. Являясь элементами прямой речи героя произведения, заимствованные «речения» выражали, с одной стороны, мысли и чувства субъекта повествования, а с другой — отношение автора к этому субъекту. Передача канонического текста в Житии весьма бережная. Это было проявлением «субстанционального», «абсолютного» подхода раскольников к Священному писанию.¹² Споры о церковных догматах в середине XVII в. часто переходили в споры о лингвистической интерпретации религиозно-дидактических текстов, поэтому язык Священного писания был для раскольников не просто формой выражения и кодификации религиозных постулатов, но сам по себе являлся неприкосновенной, значимой частью «строения церковного, веры и закона».¹³ На этом фоне грамматическая переработка (мена аористной формы на перфектную) в тех случаях, когда цитата вкладывается в уста врага Аввакума, — характерное явление.

Так, Евфимей Стефанович, один из гонителей протопопа, говорит словами блудного сына из Евангелия от Луки, XV, 18: «Прости, государь, согрешил пред богом и пред тобою» (л. 20). Приведем соответствующий текст Острожской библии:¹⁴ «Рече же емѹ снѣ оче, съгрѣшихъ на нбо и пред тобою».

Эта же цитата из библии используется еще один раз: Никодим-келарь («... в другой привоз ожесточаль, горюнь, задушил было меня») «разболелся» и покаялся протопопу: «Прости, господа ради, прости! Согрешил пред богом и пред тобою, оскорбилъ тебя, и за сие наказал меня богъ» (л. 66).

Следующий пример — в уста воеводы Папкова («суровъ и безчеловечен человек») Аввакум вкладывает слова Иуды: «Согрешил, окаянной, пролилъ неповинную кровь!» (л. 50 об.).¹⁵

Сравним этот отрывок с Евангелием от Матфея, XXVII, 4 (покаянная речь Иуды): «... съгрѣшихъ, предавъ кровь неповинну».¹⁶

В то же время, если канонический текст цитируется «людьми божиими», то глагольная архаика сохраняется: «И я (Аввакум, — В. С.) толмачю архимариту Денису стал говорить: „Говори, Денис, патриархам, — апостоль Павелъ пишетъ: Таковъ нам подобаше архиерей: преподобень, незлобивъ“ и прочая» (л. 72 об.—л. 73).

¹¹ Виноградов В. В. О задачах стилистики. . . , с. 12.

¹² См.: Матхаузорова С. Две теории текста в русской литературе XVII века. — ТОДРЛ, Л., 1976, т. 31, с. 271—284.

¹³ См.: Сиромача В. Г. Языковые представления книжников московской Руси 2-й половины XVII века и «Грамматика М. Смотрицкого». — Вестник МГУ. Серия 9. Филология, № 1, 1979, с. 3—4.

¹⁴ Цитаты из библейских книг приводятся по тексту Острожской библии (Острог, 1581), так как последующие печатные издания библии были «никоннскими». См.: Пустозерский сборник, с. 297.

¹⁵ Далее в Житии следует: «Напрасно протопопа билъ, за то меня наказует богъ!» (л. 50 об.).

¹⁶ Аористная форма от глагола «согрешити» встретила в Житии в следующем контексте: «Аще един, и ты ко образу, пад на землю, глаголи: „Прости мя, владыко, Христе-боже, елико согреших“, — весь до конца говори» (л. 101 об.).

По тексту Острожской библии: «Таков оубо нам *подобаше* архіереи, прѣдбень, незлобивъ, безсквернень, и ѡтлѣченъ ѿ грешникъ» (Послание к евреям, VII, 26).

Стилистическая дифференциация на морфологическом уровне отмечается в некоторых случаях и в других произведениях Аввакума. Так, скопления аористных и перфектных форм в ряде эпизодов «Пятой челобитной царю Алексею Михайловичу» строго дифференцированы по субъектам действия оппозиции «круг Аввакума: круг Никона»:

«Егда мне темныя твоя власти волосы и бороду *остригли* и, проклявше, за твоим караулом на Угреше в темнице *держали*, — о, горе мне, не хочется говорить, да нужда влечет, — тогда *нападе* на мя печаль, и зело *отяготихся* от кручины и *размышлях* в себе, что се бысть, яко древле и еретиков так не *ругали*, якож меня ныне: волосы и бороду *остригли*, и *прокляли*, и в темнице *затворили* никонияня, пуци отца своего Никона надо мною, бедным, *сотворили*».¹⁷ («Аз — «отяготихся», «размышлях»; «никонияня» — «остригли», «держали», «ругали», «затворили», «сотворили»).

Употребление архаичных форм глагола с субъектом, соотносимым со вторым членом оппозиции — «никонианой», во многом обусловлено синтаксическим контекстом. Так, например, в односоставных конструкциях («Егда же *привезоша* мя на двор, выбежала жена ево Неонила...» (л. 19 об.); «И много говоря, *предаде* его в темницу, потом с Москвы указали удавить» (л. 70 об.)) в условиях отсутствия синтаксически выраженного подлежащего основное внимание акцентируется уже не на субъекте действия (так как он выражен лишь морфологически глагольной формой), а на его объекте. Поскольку объект, на который направлено действие, — сам Аввакум или «люди божие», то употребление стилистически маркированных форм вполне закономерно («привезоша мя», «предаде его»). В двусоставных конструкциях обратим внимание на явную семантическую неопределенность субъекта действия при подлежащем местоимении:

«Помале *инии* паки изгнаша мя от места того» (л. 20 об.);

«...а прочий, человек з дватцеть, вси побегоша, гоними духом» (л. 28 об.).¹⁸

Завершая анализ системы употребления архаичных глагольных форм в языке Жития с точки зрения субъекта действия, рассмотрим группу глаголов с деятелем — «бес», «бесы». Персонажи ирреального мира как будто примыкают ко второму члену оппозиции «Аввакум: никониана». Однако при анализе функции образа беса в Житии выясняется, что отношение Аввакума к бесам совершенно иное, нежели к «диаволу в одежде никониановской». Как писал В. В. Виноградов, «свою борьбу с бесами Аввакум рисует в тех же реалистических тонах, что и отношение к никонианам («... бился я з бесами, что с собаками»). Но трагический колорит здесь совсем ослаблен... Слово „бес“ у Аввакума выступает обычно как синоним скормороха, как обозначение драчуна, вора и беспоконного скандалиста».¹⁹

Бесы в Житии изображаются скорее по традиции, чем для выражения основного кредо протопопа — вечной борьбы с «зимною еретической»,

¹⁷ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 201.

¹⁸ В рамках статьи мы не имеем возможности рассмотреть все случаи так называемого «незакономерного» использования Аввакумом маркированных в стилистическом отношении глагольных форм. Здесь, несомненно, имеют место и лексикализация грамматических форм аориста в языке XVII в. (глаголы с корнем *-ид-*) и языковая связь с каноническими источниками цитат. Основное внимание мы обращаем на тенденцию стилистического использования морфологических пар глагола.

¹⁹ Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938, с. 39.

«никонианой». Новеллы о борьбе Аввакума с бесом — повести о «бесноватых» — выполняют функцию традиционной части всякого жития: они заменяют собой рассказы о чудесах святого.²⁰ Все это позволяет говорить о традиции и в языковой характеристике данных персонажей (в употреблении церковнославянских форм глагола).

В заключение подведем некоторые итоги.

1. В Житии Аввакума прослеживается тенденция изображать действия бинарно противопоставленных персонажей (круг Аввакума и круг Никона) морфологически по-разному оформленными глаголами (аорист — имперфект/перфект).

2. Дистрибутивными признаками в данном случае являются не темпоральные или морфолого-синтаксические особенности различных форм прошедшего времени, а их стилистическая маркированность.

3. Описываемый языковой принцип является проявлением контрастных отношений в Житии (художественно-композиционных и языковых).

²⁰ См.: Демкова Н. С. Житие протопопа Аввакума: Творческая история произведения. Л., 1974, с. 156.